

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

В. А. Кучкин

ДОГОВОР 1372 г. ВЕЛИКОГО КНЯЗЯ ДМИТРИЯ ИВАНОВИЧА С ВЛАДИМИРОМ АНДРЕЕВИЧЕМ СЕРПУХОВСКИМ*

Из всех дошедших до нашего времени договоров XIV в. московских князей в самом дефектном виде сохранился второй договор великого князя Дмитрия Ивановича со своим двоюродным братом серпуховским князем Владимиром Андреевичем. Текст соглашения написан на бумажном листе размером 150 мм по горизонтали и 265 мм по вертикали¹. Бумага имеет вержеры средних размеров, расстояния между которыми колеблются от 1,2 мм до 1,5 мм. Понтюзо и филигрань не просматриваются, поскольку документ наклеен на более позднюю бумагу. Уцелело 39 строк текста, который написан черными чернилами полууставом XV в. с довольно частыми выносными буквами. Это свидетельствует о том, что сохранился не подлинник, как утверждает в научной литературе², а копия, хотя, возможно, и ранняя. В данной связи привлекает к себе внимание текст строки 39, где читается «мнѣ, брату моему молодшему». Чтение явно ошибочно. Очевидно, что слово «моему» (вместо необходимого по смыслу «твоему», как совершенно одинаково написано в строках 31 и 35 договора: «мнѣ, брату твоему молодшему») является опiskeй позднего переписчика, и это еще раз указывает на то, что сохранившаяся часть договорной грамоты является фрагментом копии, а не подлинника. Несмотря на реставрацию документа, наклейку на более прочную бумажную основу, видно, что между строками 18 и 19, а также между строками 33 и 34 идут горизонтальные разрывы во всю ширину листа. Это означает, что до подклейки текст распадался по меньшей мере на три фрагмента: I фрагмент строки 1–18, II фрагмент строки 19–33, III фрагмент строки 34–39. Архивисты сохранили также узкую полоску бумаги (она приклеена к верхней части поздней подклеечной бумаги), на обороте которой почерком XV в. светлорыжевными чернилами помечено: «Грамота докончална ꙗкн(ѿ)зѿ великоз(о) Дмитрѣа Иванович(а) съ ꙗкн(ѿ)зем съ Володимером Андрѣевичем при ѿлексѣе, митрополитѣ всеѿ Руси».

Договор не имеет начала и не имеет конца, оторвана вся его левая часть. Поврежден и правый край документа, концы строк 6, 9, 19, 20, 26, 33, 34, 35 и 38 отсутствуют. Исследовавший, а затем и издавший договор Л. В. Черепнин в 1948 г. писал, что «от документа сохранилась только середина, левый же и правый его края оторваны»³. В 1950 г. состояние источника он охарактеризовал несколько иначе: «У грамоты оторвана левая сторона и начало и конец»⁴. Более поздняя характеристика ближе к

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант 04-01-00104а).

¹ РГАДА. Ф. 135. Отд. I. Рубр. II. № 4.

² ДДГ. № 7. С. 24 (легенда).

³ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. М.; Л., 1948. Ч. I. С. 36.

⁴ ДДГ. № 7. С. 24 (легенда).

истине. Несмотря на ряд утрат, на размещение текста впритык к краю листа, правая сторона документа сохранилась. Об этом свидетельствует то, что многие строки оканчиваются на целое слово (строки 4, 5, 7, 8, 10, 12, 15, 17, 18, 20, 22, 24, 25, 28, 30, 31, 36, 37). В других случаях писец последнюю букву последнего слова в строке делал выносной (строки 2, 14, 16, 21, 29, 32), даже если она обозначала гласный или редуцированный звук. Так, в строке 16 в слове «сего» букву «о» он написал поверх строки, а в строке 32 сделал выносной букву «ъ» в слове «грамотъ». Очевидно, что писец стремился не переносить буквы одного слова в начало следующей строки, стараясь закончить заполняемую строку целым словом. Такие особенности письма говорят о том, что правая часть бумажного листа, на котором написан второй договор Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем, уцелела. Уцелела также верхняя часть. На это указывают загрязненность верхней кромки листа, полная сохранность всех выносных букв первой строки текста, отсутствие «хвостов» некоторых букв, обычно пересекающих все пространство между строками. Подобных «хвостов» нет над первой строкой. Таким образом, утрачены левая часть грамоты, где помещались ее начало (в первой строке) и начала остальных строк, а также нижняя часть документа.

В XVII в. исследуемый договор вместе с другими договорными грамотами Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем хранился в архиве Посольского приказа в Москве. Опись 1614 г. названного архива фиксирует в его составе семь списков различных договоров между двоюродными братьями, но Опись 1673 г. говорит лишь о трех: «2 грамоты утвержденные великого князя Дмитрия Ивановича Донского з братом ево со князем Володимером Андреевичем, ветхи все, в ласкутках и наклеить нелзе, и концов у них нет; писаны при митрополите Алексее всеа Русии, а в котором году, того не написано», «грамота докончалная великого князя Дмитрия Ивановича з братом ево со князем Володимером Андреевичем, писана на листу, у ней были 3 печати, испорчены, при Пимине митрополите всеа Русии, а в котором году, того не сыскано, ветха, истлела вся и склеена харатьею, а на харатье подписано: со князем Володимером докончалная тое зимы, коли князь великий отнял за себя Галичь да Дмитров от брата»⁵. Три договорные грамоты Дмитрия Донского с Владимиром Серпуховским сохранились и до наших дней. Грамота, написанная, как свидетельствует Опись 1673 г. архива Посольского приказа, «при Пимине митрополите всеа Русии», — это третий, последний договор Дмитрия с Владимиром, датируемый 25 марта 1389 г.⁶ Первый договор между этими князьями, как прямо говорится в его тексте, был составлен при митрополите Алексее⁷. Следовательно, под одной из двух «грамот утвержденных», указанных в Описи 1673 г., скрывался второй договор между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем. К нему вполне приложимы слова «ветхи все, в ласкутках и наклеить нелзе, и концов у них нет». Действительно, этот договор не имел окончания и до реставрации состоял, по крайней мере, из трех «лоскутков».

Первое научное описание второй договорной грамоты Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем было составлено в 1766 г. Н. Н. Бантъш-Каменским. В своем «Реэстре стариннымъ великих князей грамотамъ...» он зафиксировал ее под № 8 и охарактеризовал следующим образом: «Договорная вторая грамота великого князя Дмитрия Ивановича с князем Володимером Андреевичем о бытии им в дружбе и согласии и о управлении всякому своими землями. Года не показано, а по летописцам следует быть между $\frac{6870}{1362}$ и $\frac{6886}{1378}$ годами»⁸. Содержание договора было сведено к трафаретным замечаниям о княжеской дружбе и самостоятельном управлении каждым из договаривавшихся князей своими владениями. Дата соглашения выводилась на основании упоминания митрополита Алексея, который умер в 1378 г., следовательно, после 1378 г. документ не мог быть составлен, и такое заключение было правильным. Что касается даты, ранее которой договорная грамота не могла быть оформлена, то 1362

⁵ Опись архива Посольского приказа 1673 года. М., 1990. Ч. I. С. 40, 41.

⁶ ДДГ. № 11. С. 30–33.

⁷ Там же. № 5. С. 19, 21.

⁸ Так в черновом и беловом экземплярах «Реэстра». См.: РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 426. Л. 4 об.; Ед. хр. 425. Л. 7 об.

год был назван Н. Н. Бантыш-Каменским, видимо, потому, что в некоторых поздних летописях в статье 6870 года особым заголовком («Княжение великого князя Дмитрия Ивановича»⁹) подчеркивалось начало великого княжения совсем юного московского князя Дмитрия, который во втором договоре с Владимиром Андреевичем постоянно титуловался «великим князем». Однако в договоре содержались данные, позволявшие датировать его более точно. На них Н. Н. Бантыш-Каменский не обратил внимания, поскольку явно затруднялся не только в правильной интерпретации текста, но даже в его прочтении. Само физическое состояние документа Н. Н. Бантыш-Каменский характеризовал по-разному. Сначала он написал, что «у сей грамоты конца не имеется и по краям с обѣихъ сторонъ, почему и копии с оной списать было неможно», объясняя, почему прочитать и понять сохранившийся текст было нельзя, но затем некоторые слова в своей характеристике зачеркнул, другие дописал и ввел новые. В результате получилось, что «у сей грамоты начала и конца и с одной стороны края не имѣется, почему и копии с оной списать неможно», что и вошло в окончательную редакцию «Реэстра»¹⁰. Именно это описание Н. Н. Бантыш-Каменского повторил (с уточнением, что отсутствует левый край документа) в 1950 г. Л. В. Черепнин.

Ничего нового не внес в изучение второго договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем М. М. Щербатов. Кратко охарактеризовав их первое соглашение, историк отметил, что оно было выработано «не без труда», поскольку между князьями существовали противоречия, а чтобы снять все несогласия «за нужное почли еще и другую (договорную грамоту. — В. К.) сочинить, которой содержание затем, что весьма повреждена от гнилости, нам не известно»¹¹.

В 1813 г. текст второго договора великого князя Дмитрия и серпуховского князя Владимира был напечатан составителями «Собрания государственных грамот и договоров»¹². Это первое издание источника имело краткое историческое пояснение: «Договорная грамота великого князя Дмитрия Иоанновича с братом его князем Володимером Андреевичем (вторая): о бытии им и детям их в дружбе и союзе; о владении Галичем и Дмитровым с волостями великому князю, а упоминаемыми в грамоте сей четырьмя уделами князю Володимеру; и о участовании обоим князьям в уделе княгини Уляны. Писана 1371 года»¹³. Хотя содержание грамоты было раскрыто полнее, чем у Н. Н. Бантыш-Каменского (указано, что в дружбе и союзе должны были состоять не только сами Дмитрий и Владимир, но и их дети; что к уделу княгини Уляны — вдовы Ивана Калиты — должны были иметь отношение оба князя; названы Галич и Дмитров как великокняжеские владения), оно было неточным. В частности, в строке б сохранились слова «...г(о)с(поди)не, дал въ оудѣль Галичь, Дмитровъ с волостями, и съ с...»¹⁴, которые свидетельствуют о том, что Галич и Дмитров были переданы великим князем Дмитрием серпуховскому князю и именно последний, а не великий князь, был их владельцем. Ошибка публикаторов 1813 г. объясняется, видимо, тем, что предшествующая строка 5 договорной грамоты кончалась словами «так(о) же и тоб(ѣ), княз(ю) великому». Соединяя эти слова с текстом в строке б и можно было получить свидетельство об обладании великим князем Галичем и Дмитровым, тем более, что в опубликованном теми же составителями завещании 1389 г. Дмитрия Донского эти два города фигурировали как принадлежавшие ему¹⁵. Однако соединять в одно целое концы двух строк противопоказано, к тому же слова «г(о)с(поди)не, дал въ оудѣль» в строке б и текст строки 11 «а отъ мен(е) мои оудѣль, чѣмъ ма еси, г(о)с(поди)не, по» ясно указывают на то, что Галич и Дмитров, составившие удел Владимира, отдавались великим князем, а не приобретались им. В строке 14 второй договорной грамоты великого князя Дмитрия с Владимиром Серпуховским («...ре волости,

⁹ ПСРЛ. СПб., 1897. Т. XI. С. 1; ПСРЛ. СПб., 1859. Т. VIII. С. 12.

¹⁰ РГАДА. Ф. 180. Оп. 13. Ед. хр. 425. Л. 7 об.

¹¹ Щербатов М. М. История российская от древнейших времен. СПб., 1781. Т. IV. Ч. I. С. 4.

¹² СГГД. М., 1813. Ч. I. № 29. С. 49–50.

¹³ Там же. № 29. С. 49.

¹⁴ Здесь и далее цитаты из исследуемого договора приводятся по подлиннику.

¹⁵ СГГД. Ч. I. № 34. С. 59.

Гордошевич(и), Сушевь, Гремич(и), Загачковъ, аж да») упомянуты четыре волости, а не удела. Князь Владимир Андреевич этими волостями не владел, они могли перейти к нему при определенных условиях. Это были явные недочеты в определении исторического содержания дефектной грамоты составителями «Собрания государственных грамот и договоров». Лучше у них обстояло дело с датировкой документа. Хотя обоснований тому, что договор был составлен в 1371 г., приведено не было, это сделали за публикаторов 1813 г. последующие исследователи, предложенная сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева дата была точнее, чем расплывчатая дата Н. Н. Бантыш-Каменского — 1362—1378 г.

Сохранившийся с большими утратами договор был прочитан составителями «Государственных грамот и договоров» почти без ошибок. Текст был напечатан в основном построчно, недостающие места отмечались отточиями. Однако номера строк не проставлялись, и читатели не могли узнать, означает ли то или иное отточие утрату текста в конце строки или в ее начале. При публикации договора сотрудники канцлера Н. П. Румянцева без всяких оговорок раскрывали титла, вставляли в строку недостающие буквы, никак их не отмечая, так же поступали они и с выносными. Буквы **а**, **га** заменялись на «я», буква **ш** — на «о», «оу» — на «у». Там, где слышалась краткость «и», издатели XIX в. ставили «й». В конце слов на твердую согласную, была ли она написана в строке или являлась выносной, обязательно ставился «ъ». Исключение представляло слово «будет» в строке 25, в котором после выносной «т» был поставлен «ь». Слова Богъ, Бояре, Великий Князь, Великое Княженъе, Господин, Княгинин, Княженъе, Князь, Московские, Ординци, Отцы в прямом и косвенных падежах писались с большой буквы. Имена князя Ивана в строке 10 и княгини Уляны в строках 21, 23, 24 были набраны курсивом. Отступлений от правописания подлинника было сравнительно немного. Так, в строке 9 вместо «рубежь» было напечатано «рубежь», в строке 13 вместо последних букв «отъ» напечатано «от», в строке 14 вместо «аж да» — «ажда», в строке 17 первые сохранившиеся буквы были прочитаны как «змышль» вместо «емышь», в конце строки 23 пропущена буква «ъ» после буквы «м», в строке 26 оказалась не прочтенной первая сохранившаяся выносная буква «л», в строке 29 вместо «вудъл» было напечатано «удъл», в строке 36 была опущена первая сохранившаяся буква «и», а в конце строки было напечатано «такоже» вместо «таже»; в строке 37 не была воспроизведена первая сохранившаяся буква «у», в строке 39 было напечатано «твоему» вместо «моему».

Кроме того, при публикации текста второго договора великого князя Дмитрия с Владимиром Серпуховским в «Собрании государственных грамот и договоров» сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева были сделаны неоговоренные реконструкции, причем при значительных по размерам восстановлении текста издатели 1813 г. не ставили отточий, хотя начала всех строк документа были утрачены. Так, в строке 1, кончавшейся буквами «Андрѣ», отчество князя Владимира было дописано — «Андрѣвичемъ» (С. 49)¹⁶. Дописано и окончание строки 3: вместо «великоз(о) кня» — «Великого Княженъя» (С. 49). В строке 6, которая кончается словами и буквами «с волостьми, и съ с...», последняя буква «с» была дополнена буквами «елы» — «селы» (С. 49). В строке 9 перед первыми сохранившимися буквами «люсти» была добавлена буква «б» — «блюсти», а последние сохранившиеся в этой строке буквы «Дми» были продолжены буквами «трову» — «Дмитрову» (С. 49). В строке 14 перед первыми уцелевшими буквами «ре» были восстановлены буквы «четы» — «четыре» (С. 49). В строке 16 перед первыми буквами «зю» восстановлены буквы «кня» — «Князю» (С. 50). В строке 19 последние сохранившиеся буквы «вели» были превращены в целое слово — «Великому» (С. 50). В строке 20 в настоящее время читается следующий текст: «...дѣлюи, а тѣ [м] знати свога служба, ка[к] было при...». Вместо этого в «Собрании государственных грамот и договоров» было напечатано «а что наши Ординци и дѣлюи, а тѣмъ знати своя служба, как было при нашихъ Отцѣхъ» (С. 50). Текст восстановлен на основании статей первого договора Дмитрия с Владимиром и третьего договора между теми же князьями¹⁷. В строке 22 было восстановлено слово «такоже» при сохранении только букв «кож».

¹⁶ Здесь и далее ссылки на страницы издания приводятся в тексте.

¹⁷ ДДГ. № 5. С. 20; № 11. С. 31.

В строке 23 вместо букв «мъ...» было напечатано «мнѣ», что по смыслу вполне подходило, но по правописанию — нет. Текст строки 25 начинался словами «...ти, г(о)с(поди)не, будет взѣти дань». Перед ними были вставлены слова «А коли» (С. 50). Строка 26 обрывалась на предлоге «на» и буквах «св». Последние были дополнены буквами «оихъ» — «своихъ» (С. 50). Текст строки 27 имел утраты в начале и в конце: «...му молотшему, княз(ю) Володимеру, коли ми будет взѣ». Начало было дополнено словами «Такоже и мнѣ брату твое», а конец — буквами «ти» и словом «дань» (С. 50). Строка 29 заканчивалась словами «данщиковъ ти своих». Она была дополнена словами «ни приставовъ не всылати, ни» (С. 50). Дополнение полностью соответствует тексту статьи 14 первого договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем: «данщиковъ своих, ни приставовъ не всылати, ни во все моѣ великоѣ княженьѣ»¹⁸. Последние пять слов процитированного договора в издании 1813 г. во внимание приняты не были, поскольку во втором договоре речь шла о посылке данщиков и приставов великим князем во владения удельного князя, а не о посылке данщиков и приставов удельного князя во владения великого князя, как в первом договоре. Строка 30 начиналась с букв и слов «овальных не давати». Начало было исправлено на «грамотъ жаловальных не давати». Та же строка обрывалась на словах «ни сель ти...». Окончание было дополнено словами «не купити» (С. 50). Большим изменениям подвергся текст строки 31 («...е и мнѣ, брату твоему молодшему, въ вотч(и)ну въ твою и въ удѣль данщиковъ ми своих не всылати, ни» (С. 50). Похоже, что источником реставрации послужила та же статья 14 первого договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем, где фигурировал «удѣль» великого князя. Строка 32 заканчивалась словами «ни грамотъ», но в издании 1813 г. она была продолжена: «жаловальных не давати» (С. 50). Материал для продолжения текста мог быть почерпнут из статьи 26 первого договора великого князя Дмитрия с Владимиром Серпуховским¹⁹. Строка 33 начиналась с букв «ѣтемъ». Они были дополнены: «[ни моимъ д]ѣтемъ» (С. 50). В строке 34 после первого слова «дѣтем» был вставлен союз «и» (С. 50). Строка 38 оканчивалась на буквы «служи». Вместо этих букв редакторы 1813 г. напечатали целое слово — «служити» (С. 50). В конце последней, 39, строки в настоящее время читаются буквы «тв», этими буквами переписчик XV в. закончил строку. Но в издании 1813 г. окончание было иным — «твоею Кн...» (С. 50). Буквы «оею кн» в конце строки просто не помещались. Очевидно, они реконструированы. Но почему реконструкция не стала полной («твоею княгинею»), понять трудно. Во всяком случае, при восстановлении текста здравый смысл сотрудников канцлера Н. П. Румянцева превалялся, но проявлялись и знания, почерпнутые при ознакомлении с другими договорными грамотами.

Публикация второго договора великого князя Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем Серпуховским на первых порах была мало востребована историками. Н. М. Карамзин вообще посчитал, что второй договор — это копия третьего соглашения между теми же князьями, только написанная от лица удельного князя. Приведя выдержки из договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем от 25 марта 1389 г., он отметил: «Сих грамот две: одна с тремя восковыми печатями, а другая ветхая, без начала и конца, писанная от имени Владимира к Вел. Кн.»²⁰. Вклад Н. М. Карамзина в изучение исследуемого договора оказался весьма скромным, он исчерпывается тем, что историк обратил внимание на то, что грамота писалась от лица Владимира Андреевича.

Очень скупо охарактеризовал содержание второго договора Дмитрия с Владимиром С. М. Соловьев. Отнеся соглашение вслед за издателями «Собрания государственных грамот и договоров» к 1371 г., историк написал, что по второму договору с двоюродным братом «Владимир обязался не искать московской отчины Димитриевой и великого княжения Владимирского не только

¹⁸ Там же. № 5. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 21.

²⁰ Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Наука, 1993. Т. V. С. 258. Примеч. 115.

под Дмитрием, но и под сыновьями его, обязался, в случае смерти Дмитриевой, считать старшего сына его, а своего племянника, старшим братом и служить ему»²¹. В итоге получалось, что никакой пользы для себя удельный князь из нового соглашения с великим князем извлечь не мог, а великокняжеская власть последовательно и во все большей мере укрепляла свое положение, ограничивая права удельного князя не только в настоящем, но и в отдаленном будущем.

Существенные поправки в эти представления были внесены А. В. Экземплярским. В первом томе своего исследования о князьях Северо-Восточной Руси XIII—XV столетий он кратко коснулся содержания второго договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем. «Самое выдающееся в этой грамоте, — писал А. В. Экземплярский, — условие относительно городов Галича и Дмитрова. Так как грамота от ветхости во многих местах истлела, то выяснение и толкование содержания ее может быть спорным. Думают, что Дмитрий Иванович хотел укрепить за собой Дмитров и Галич. Нам кажется, напротив, что Дмитрий Иванович отдавал эти города Владимиру Андреевичу»²².

Во втором томе своего труда А. В. Экземплярский уделил договору гораздо больше внимания, но внимание это было обращено лишь на два момента: кому принадлежали Дмитров и Галич и когда было составлено рассматриваемое соглашение Дмитрия с Владимиром. Прочитав первые 15 строк договора между этими князьями по изданию в «Собрании государственных грамот и договоров», А. В. Экземплярский особое внимание обратил на тексты строк 6 и 15. В первой из них речь шла о Галиче и Дмитрове. По мнению исследователя, об этих городах в соглашении говорилось от имени князя Владимира Андреевича. А если пропуски между строками поврежденного документа были небольшими, то слова строки 7, где было написано «и твоимъ дѣтемъ подъ моими дѣтьми», следует «считать исходящими также от Владимира Андреевича». «А в таком случае, — продолжал далее А. В. Экземплярский, — приходится признать, что в рассматриваемом нами месте грамоты Владимир Андреевич выставляет от себя одну из статей договора, по которой, как по последствию их личных условий, предшествовавших договору письменному, великий князь блюдет под ним (Владимиром Андреевичем) и под его детьми, данные ему великим князем города, Галич и Дмитров. Галич и Дмитров в последующих грамотах и договорах уже не встречаются в связи с именем Владимира Андреевича, — это правда. Но если мы и не находим видимого оправдания своему предположению в наличных официальных актах, то это еще не значит, что наше предположение несколько неосновательно»²³. По мнению историка, «великий князь мог дать Владимиру Андреевичу Галич и Дмитров, а потом мог заменить их другими волостями»²⁴, что и объясняет отсутствие в других документах указаний на связь с Галичем и Дмитровом серпуховского правителя. Колебания А. В. Экземплярского во многом объясняются тем, что он не видел оригинала второго договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Серпуховским. В оригинале слово «оудѣль» применялось исключительно к владениям Владимира Андреевича. В издании 1813 г. этим словом обозначались и владения великого князя (строка 31), но то была явная вставка сотрудников канцлера Н. П. Румянцева. «Удел» серпуховского князя как раз и составляли Галич с Дмитровом. И если исследователю нужно было доказать, что эти города перешли к Владимиру Андреевичу от великого князя, ему не надо было строить догадок о размерах пропусков между строками рассматриваемого им документа, тесно увязывать содержание его строк 6 и 7, достаточно было просто сослаться на текст строки 11, где прямо говорилось о том, что свой удел Владимир получил от великого князя.

А. В. Экземплярский правильно отметил то обстоятельство, что в иных духовных и договорных грамотах московских князей упоминания Галича и Дмитрова никогда не связываются с именем Владимира

²¹ Соловьев С. М. Сочинения. М., 1988. Кн. II. С. 283.

²² Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г. СПб., 1889. Т. I. С. 103, примеч. 253.

²³ Там же. СПб., 1891. Т. II. С. 200—221.

²⁴ Там же. С. 221.

Серпуховского. В актах — да, но в летописании — нет. В доступной А. В. Экземплярскому Воскресенской летописи под 6896 годом сообщалось, что «того же мѣсяца 18 (речь идет о январе. — В. К.)» родился князю Володимеру сынъ Ярославъ въ Дмитровѣ, а въ крещении бысть имя его Афонасий»²⁵. А. В. Экземплярский это известие знал²⁶, но никакого внимания не обратил на летописное указание на место рождения Ярослава-Афанасия. Между тем, данное свидетельство говорит о том, что Дмитров находился в распоряжении Владимира Андреевича. Предположение А. В. Экземплярского оказывается, таким образом, вполне основательным. Тем самым выясняется, что же все-таки получил удельный князь при составлении своего второго соглашения с занимавшим великокняжеский стол двоюродным братом. Характеристика договора, данная С. М. Соловьевым, после установления такого факта уже не могла считаться правильной.

Явной заслугой А. В. Экземплярского следует признать и то, что он первым из исследователей обратил внимание на один из датирующих признаков второй договорной грамоты между великим князем Дмитрием и серпуховским князем Владимиром. В строке 15 этой грамоты уцелели слова «...пожалуетъ нас б(ог)ъ, найдемъ тоб(ѣ), кнѣз(ю) великому, великое». «Чего-нибудь другого *великого*, кроме княжения, — остроумно комментировал эту фразу А. В. Экземплярский, — договаривающиеся не могли искать». И далее задавался вопросом: «Когда же, во всю свою жизнь, Дмитрий Иванович был в таком положении, в котором только и мыслимо такое условие договора, как сейчас приведенное?» Тут же следовал ответ: «Только в период времени от 1359 до 1363 г. К этому времени и должен, по нашему мнению, относиться рассматриваемый договор»²⁷.

Ответ, увы, оказался неверным. Это убедительно показал А. Е. Пресняков. Ученый более внимательно, чем его предшественник, ознакомился с публикацией договора в «Собрании государственных грамот и договоров». Он обратил внимание на то, что в договоре упоминается передача Владимиру Андреевичу Галича с волостями, а свой контроль над Галичским княжеством Москва установила в 1363 г. Следовательно, распоряжаться Галичем великий князь Дмитрий Иванович мог не ранее 1363 г., когда он уже был великим князем владимирским. Во-вторых, великий князь Дмитрий получал из удела княгини Ульяны две трети (строка 23). Доля Дмитрия была бы меньшей, если бы был жив его младший брат Иван. Иван умер 23 октября 1364 г.²⁸ Очевидно, договор составлен после этой даты. В договоре упоминается сын великого князя Дмитрия (строки 2 и 37), а Дмитрий женился в январе 1366 г. Сын мог появиться на свет не ранее конца 1366 г. — начала 1367 г. Первенцем Дмитрия Ивановича был Даниил, который умер в младенчестве. Следующий сын Дмитрия, Василий, родился 30 декабря 1371 г. По предположению А. Е. Преснякова, именно эта дата стала основой отнесения к 1371 г. второго договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем составителями «Государственных грамот и договоров». Но в 1371 г. произошло не только появление на свет княжича Василия Дмитриевича. В том же году соперник Дмитрия тверской князь Михаил Александрович сумел получить в Орде ярлык на великое княжение. А. Е. Пресняков отметил три места во втором договоре двух московских князей, которые «дают неустранимое впечатление тревоги за великое княжение и за владения, пожалованные кн. Владимиру в к. Дмитрием: 1) [велико] “...е княженъе, а отъ мене мой оудѣль, чѣмъ мя еси, господине, по...” [пожаловаль]; 2) “ащи от...” [оймутся?] и 3) “...пожалуетъ насъ богъ, найдемъ тобѣ, князю великому, великое...” [княжение?]». Далее следовало заключение о дате договора: «В ряду событий позднее 1366 г. можно указать лишь один момент, которым пояснялась бы подобная тревога: в 1371 г. тверской князь Михаил Александрович вывез из Орды ярлык на великое княжение и начал борьбу с Дмитрием Ивановичем при помощи литовской рати»²⁹. Последнее пояснение

²⁵ ПСРЛ. Т. VIII. С. 52.

²⁶ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси. Т. II. С. 307 и примеч. 823.

²⁷ Там же. С. 221. А. В. Экземплярским указан период, когда после смерти отца в 1359 г. Дмитрий стал московским князем и боролся за стол великого княжения Владимирского, который и занял в самом начале 1363 г.

²⁸ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Вып. I. Стб. 76.

²⁹ Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. Очерки по истории XIII—XV столетий. Пг., 1918. С. 173. Примеч. 1 (текст на с. 174).

А. Е. Преснякова затемняло суть дела. С ханским ярлыком на великое княжение тверской князь Михаил Александрович вернулся на Русь 10 февраля 1371 г.³⁰ А войну против Москвы «при помощи литовской рати» он начал в апреле 1372 г.³¹ Когда именно был заключен второй договор между московскими князьями-двоюродными братьями, по высказываниям А. Е. Преснякова понять не совсем просто. По-видимому, маститый историк более склонялся к 1371 г., поскольку писал, что «всего вероятнее отнести ее (договорную грамоту. — В. К.), согласно С. Г. Г. и Д., к 1371 г.»³².

Смысл договора А. Е. Пресняков видел в изменении состава владений князя Владимира Серпуховского. «Заключение договора, — писал исследователь, — было связано с “пожалованием” князю Владимиру Андреевичу в к. Дмитрием Галича и Дмитрова “съ волостями и съ селы” и с установлением новых условий о размерах и взаимоотношениях княжого владения. Изменения в составе владений кн. Владимира ставили его владельческое положение на новые основания»³³. Далее А. Е. Пресняков показывал, что владения серпуховского князя состояли из вотчины и удела, состав которого был определен пожалованиями великого князя. Владения последнего состояли из вотчины, великого княжения и удела. Здесь А. Е. Пресняков опирался на текст строки 31 в издании 1813 г.³⁴, который на самом деле был реставрирован сотрудниками канцлера Н. П. Румянцева, вставившими туда слово «удѣль» при обозначении владений великого князя Дмитрия. Не зная этого, историк развил целую теорию относительно образования великокняжеского удела и значения данного факта в общей удельной системе русского средневековья. Но в оценке второго договора между Дмитрием и Владимиром как соглашения, закрепившего существование двух отдельных княжеских вотчин в доме московских потомков Ивана Калиты, ученый был прав. Он только не выяснил причин, которые побудили великого князя Дмитрия Ивановича жаловать земли и доходы³⁵ серпуховскому князю.

С предложенной А. Е. Пресняковым датировкой второго договора Дмитрия с Владимиром решительно не согласился Л. В. Черепнин. По его мнению, этот договор был заключен тогда, когда в семьях обоих князей было уже по нескольку детей. В подтверждение исследователь процитировал тексты строк 3, 4, 5, 7, 33, 34, 35, 37 и 38 dokonчания. Хотя цитирование было небрежным, историк соединял воедино чтения разных строк, чтобы получить более ясные по смыслу фразы³⁶, но если говорить о сути дела, об упоминании в договоре детей Дмитрия и Владимира, то Л. В. Черепнин был прав. Текст строки 7 прямо называл детей двух договорившихся князей: «...и твоим дѣтемъ под моими дѣтьми, и до живота. А добра». «Отсюда, — писал Л. В. Черепнин, — можно заключить, что договорную

³⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 95.

³¹ Там же. Стб. 99–100.

³² Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 173. Примеч. 1 (текст на с. 174).

³³ Там же. С. 174.

³⁴ Там же. С. 175 и примеч. 1.

³⁵ В отличие от всех предшественников, А. Е. Пресняков отметил, что великий князь Дмитрий передал Владимиру не только Галич и Дмитров с волостями и селами, но и сбор дани в волостях Перемышле, Ростовце и Козлове Броде. См.: Пресняков А. Е. Образование Великорусского государства. С. 176. Примеч. 2.

³⁶ Черепнин Л. В. Русские феодальные архивы XIV–XV веков. Ч. I. С. 36. Всего Л. В. Черепнин привел пять цитат из договорной грамоты. Первая цитата («вотчины ми, господине, твоее и великого княженья... ми под тобою не искати и под твоими детьми, ни моим [детем]... и до живота и твоим детем») сконструирована из чтений строки 3 («...жити ны по сеи грамотѣ. Вотчины м(и), г(о)с(поди)не, твоее и великоз(о) кня...»), строки 4 («...ми под тобою не искати и под твоими дѣтьми, ни моимъ...») и строки 5 («...емъ и до живота, и моимъ дѣтем. Так(о) же и тоб(ѣ), княз(ю) великому...»). Третья цитата («ни грамот жаловальных не давати..., ни моим детем...») составлена на основании текста строки 30 («...овальных не давати, ни закладни ти не держати, ни сель ти...») и строки 33 («...ѣтемъ, ни моимъ боцаром. А тоб(ѣ), княз(ю) великому, держа...»). Четвертая цитата («а тебе, князю великому, держати... детем и моих дети во всем; а тебе, князю великому, и тво[им детем] мне, брату твоему молодшему, и моим детем без твоего...») является компиляцией из текста той же строки 33, текста строки 34 («...дѣтем моихъ дѣти во всемъ. А тоб(ѣ), князю великому, и тво...») и текста строки 35 («...мнѣ, брату твоему молодшему, и моимъ дѣтем без те...»). Конструкции Л. В. Черепнин дополнял реконструкциями, в ряде случаев, возможно, и правильными, но не оговоренными и не всегда выделенными из текста. В некоторых же случаях такие реконструкции были явно необоснованными и даже ошибочными: в четвертой цитате слова тво[им детем] восстановлены по буквам «тво», хотя может быть предложена и иная реконструкция «тво[ему сыну]»: последнее слово «твоего» должно включать начальные буквы «те», которыми кончается строка 35, но этого в тексте Л. В. Черепнина нет.

грамоту, являющуюся предметом нашего рассмотрения, следует датировать временем значительно позднее 1371 г., когда состоялся брак Владимира Андреевича с дочерью великого князя литовского Ольгерда Гедиминовича Еленой»³⁷. Чтобы определить это время, Л. В. Черепнин использовал уже не формальные данные (ими он считал указания договора на детей Дмитрия и Владимира), а «смысл памятника». По мнению историка, «основное в рассматриваемой докончальной грамоте — это разграничение великого княжения и «вотчины» Дмитрия Ивановича от «вотчины и удела» Владимира Андреевича: определяются поземельные отношения между великим и удельным князьями, утверждается самостоятельность территориальной власти князей и власти над зависимыми от них людьми»³⁸. На взгляд исследователя, отмеченные им особенности договора отразили заинтересованность Владимира Андреевича в развитии своей «вотчины». А впервые проявилась эта заинтересованность в 1374 г., когда был основан г. Серпухов, а вместе с ним Высоцкий монастырь, и продолжалась далее, что выразилось в закончившемся в 1380 г. строительстве Троицкого собора в Серпухове³⁹. Поэтому Л. В. Черепнин считал, что «вторая договорная грамота Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем по своему характеру должна быть отнесена к 1374—1375 г. Она резко отличается от первого докончания. В ней чувствуется особенное внимание к территориальным отношениям между двумя князьями», а «Владимир Андреевич выступает с ярко выраженными чертами *удельного серпуховского князя*, обстраивающего свое вотчинное гнездо»⁴⁰. С такой датировкой точно согласуется, как утверждал Л. В. Черепнин, текст строки 15 рассматриваемого соглашения, указывавший, что «...пожалует нас б(ог)ъ, найдемъ тоб(ѣ), княз(ю) великому, великое». Как раз в 1375 г. Михаил Александрович Тверской сумел получить в Орде ярлык на Владимирское великое княжение и отправил своих наместников в Торжок и Углич. Фраза о великом княжении была внесена в текст договора тогда, когда «в Москве был уже решен вопрос о походе на Тверь. А от результатов этого похода зависело, кому будет принадлежать великое княжение: Дмитрию Ивановичу московскому или Михаилу Александровичу тверскому»⁴¹.

Что касается общего смысла заключения второго соглашения между московскими князьями, то Л. В. Черепнин видел его в стремлении сторон четко определить свои территориальные владения. «Совокупность владений удельного князя Владимира Андреевича, — писал Л. В. Черепнин, — обозначается термином «вотчина и удел». Грамота гарантирует независимость этих владений по суду, сбору даней и т. д. от власти великого князя... Наряду с городами, волостями и селами, перешедшими к удельному князю по наследству от отца, он получает «в удел» долю в новых приобретениях своего «старейшего брата» (Галич, Дмитров)...»⁴². Последние были пожалованы великим князем удельному князю. Чем были вызваны такие пожалования, исследователь не объяснял. Великий князь, как подчеркивал Л. В. Черепнин, обязывался за себя и за своих детей сохранять в неприкосновенности наследственные и приобретенные владения удельного князя.

Со своей стороны, «Владимир Андреевич берет на себя обязательство «не искать» великого княжения под Дмитрием и «блюсти» «вотчинные» и «удельные» (наследственные и новоприобретенные) владения своего «старейшего брата» на тех же началах, на каких тот гарантировал неприкосновенность его «вотчины и удела». От лица Владимира Андреевича рассматриваемое докончание еще раз повторяет условия, согласно которым запрещалась посылка в пределы чужой территории (в данном случае принадлежавшей Дмитрию Ивановичу) данщиков, приставов, выдача жалованных грамот, держание закладников и оброчников»⁴³.

³⁷ Там же.

³⁸ Там же. С. 37.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. С. 37, 38.

⁴¹ Там же. С. 38.

⁴² Там же. С. 37.

⁴³ Там же. С. 37—38.

В целом, характеристика и оценка второго договора между великим князем Дмитрием Ивановичем и серпуховским удельным князем Владимиром Андреевичем получились у Л. В. Черепнина неполными и неточными. Исследователь ничего не написал о передаче великим князем Дмитрием Владимиру Серпуховскому права на сбор дани в Перемышле, Растовце и Козлове Броде, на что обращал внимание А. Е. Пресняков; утверждал, что договорная грамота знает удел великого князя, хотя ничего подобного не было; вслед за С. М. Соловьевым писал об отказе Владимира Андреевича претендовать на великое княжение, о чем в договоре также не говорилось.

В то же время Л. В. Черепнину удалось найти очень важное свидетельство, характеризующее рассматриваемое докончание. Изучая Описание архива Посольского приказа, составленную в 1627 г., он наткнулся на описание третьего договора от 25 марта 1389 г. между Дмитрием и Владимиром, где было сказано, что грамота в XVII в. была «ветха, истлела, вся склеена харатьею, а на харатье подписано: со князем Володимером докончалная тое зимы, коли князь великий отшел за себя Галичь да Дмитров от брата»⁴⁴. Это прямое указание на владение серпуховским князем Галичем и Дмитровом снимает всякие сомнения в том, кто именно владел данными городами по второму договору Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича. Высказанная в 80-х годах XIX в. догадка А. В. Экземплярского через шестьдесят без малого лет полностью подтвердилась.

В 1950 г. Л. В. Черепнин осуществил новое, второе по счету, издание изучаемого договора Дмитрия с Владимиром по подлиннику⁴⁵. В публикации Л. В. Черепнина были сохранены все древние буквы: **ѡ**, **оу**, **ѣ**, **ѧ**, **ѩ**. Выносные буквы вставлялись в строку и обозначались курсивом. Слова под титлом раскрывались, недостающие буквы вставлялись в строку и заключались в круглые скобки. Утраченные места обозначались отточиями. Л. В. Черепнин отказался от каких-либо исправлений текста, даже самых очевидных. Естественно, были удалены все реконструкции издателей 1813 г. В итоге публикация получилась более строгой, гораздо лучше отражавшей текст и состояние сохранившегося источника. Отсутствовали только обозначения концов строк и их нумерация, что облегчило бы работу с публикацией ее пользователям.

Были, естественно, и недостатки, ошибки прочтения и ошибки печати. Так, в строке 13 последней буквой показана «т» вместо «тъ». Строка 17 начинается в публикации 1950 г. с букв «мышль», но в подлиннике — с «емышь». Оканчивается строка 17 не словом «мѧ», а словом «[ес]и», в котором первые две буквы теперь сильно повреждены. Но издатели 1813 г. читали их вполне уверенно. В строке 20 как существующая показана выносная буква «м» в слове «тем», однако она утрачена. В той же строке как существующая показана и вторая буква «к» в слове «как», но она также утрачена. В строке 21 оказались непрочтенными начальные буквы «ѣх», которые видны и сейчас и которые зафиксировали издатели 1813 г. В строке 26 первой сохранившейся буквой является выносная буква «л», которую Л. В. Черепнин не разглядел. Кончается эта строка не буквами «на», как напечатано в «Духовных и договорных грамотах», а буквами «на св...». Строка 30 начинается с букв не «валных», как напечатал Л. В. Черепнин, а с букв «овальных». Напротив, строка 33 начинается с букв «ѣтемъ», а не «дѣтемъ», как представлено в издании 1950 г. Окончание той же строки — «держа», а не «держати». Первой буквой в строке 37 является «у», а не слово «без».

Были неточности в передаче текста. В частности, в строке 5 слово «так» было написано с выносной буквой «к». Л. В. Черепнин передал это слово как «так», хотя лучше было бы напечатать «так(о)», как это слово писалось в документах XIV в. В строке 8 в слове «вотчины» буква «и» была заключена в круглые скобки как внесенная при раскрытии титла, однако она читается в строке. Там же определение «московское» было почему-то напечатано с большой буквы, возможно, под влиянием публикации в «Собрании государственных грамот и договоров», где оно дано именно в таком виде. В строке 12 не

⁴⁴ Там же. С. 40. Составление Описи датировано у Л. В. Черепнина 1626 г. Обоснование более поздней даты см.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. Внешнеполитические договоры. М., 2003. С. 119. Примеч. 3.

⁴⁵ ДДГ. № 7. С. 23–24.

отмечено, что в слове «Гордошевичи» буквы «ошеви» утрачены. В строке 14 вместо «Гремич» с выносной буквой «ч» должно было быть напечатано «Гремич(и)» как в соседнем слове «Гордошевич(и)». Последняя в этой строке буква «а» является выносной, что в издании 1950 г. не отмечено. В строке 18 между словами «отъступил» и «данщиковъ» Л. В. Черепниным дано отточие, но никакого пропуска между этими словами в подлиннике нет. Ненужное отточие поставлено в строке 19 между словами «ним» и «А в численных». В строке 21 прилагательное «московских» снова, как и в строке 8, было напечатано с большой буквы. В строке 25 обращение «г(о)с(подин)е» было выделено запятой только с одной стороны. В той же строке не показано, что союз «и» написан сверху строки. Не указано также, что в слове «великом» последняя буква является выносной, а буквы «ико» утрачены; утрачена также буква «к» в слове «[к]наженъи». В начале строки 36 в 1950 г. было напечатано «ими», но это два слова — «и ми». Окончание той же строки — «таже», но не «так же», как передал это место Л. В. Черепнин. В строке 37 напечатано «размыслить», но в оригинале вместо «а» читается буква «о». Отмеченные недочеты несомненно влияют на оценку качества издания 1950 г. Тем не менее последнее по исполнению было гораздо выше публикации 1813 г.

Через восемь лет, опираясь на новое издание, с работой, посвященной датировке второго договора великого князя Дмитрия с Владимиром Серпуховским, выступил А. А. Зимин. Он оспорил вывод Л. В. Черепнина относительно оформления изучаемого договора в 1374–1375 г. По мнению А. А. Зимина, основным указанием на время составления грамоты является читающаяся в ней фраза «найдем тебе, князю великому, великое [княжение]». С точки зрения историка такие слова свидетельствовали о том, что «в момент составления докончальной грамоты Дмитрий Донской не был еще великим князем»⁴⁶. Далее исследователь следующим образом строил свои доказательства. В биографии Дмитрия могут быть указаны три периода, когда он не был великим князем: 1359–1362 г., 1371 г. и 1375 г. Первый период не подходит потому, что в грамоте упомянут сын Дмитрия Ивановича и назван Галицкий удел Владимира Андреевича, а Галич был присоединен к московским владениям в 1363 г.⁴⁷ Исключается и третий период, к которому относил составление второго договора великого князя Дмитрия с Владимиром Серпуховским Л. В. Черепнин. А. А. Зимин уточнил, что речь должна идти не о 1374–1375 г., как полагал его предшественник, а только о 1375 г., поскольку «в 1374 г. Дмитрий Донской был неоспоримым великим князем» и лишь «в 1375 г. бежал Некомат от Дмитрия, принеся 13 июля 1375 г. Тверскому князю ярлык на великое княжение»⁴⁸. Однако в этот третий период у князя Владимира Андреевича еще не было детей, его старший сын Иван родился только в 1381 г.⁴⁹ Упоминание в грамоте детей Владимира и Дмитрия во множественном числе, на чем зиждилась датировка Л. В. Черепнина, было, по мнению А. А. Зимина, простым трафаретом. «Дело в том, — писал он, — что дети в договорах упоминаются часто не реально существовавшие, а лишь возможные. Так, например, рассматривая докончание Василия Дмитриевича с тем же серпуховским князем, которое Л. В. Черепнин относит к 1401–1402 г., автор говорит, что у великого князя был «только один сын Иван», однако в этом документе возможные дети Василия I упоминаются и не раз. Следовательно, упоминание «детей» во втором договоре Дмитрия Донского с серпуховским князем ничего не может дать для уточнения датировки этого документа»⁵⁰. К 1375 г. договор не может быть отнесен и потому, что в то время у Дмитрия Донского были сыновья Василий и Юрий⁵¹, а в тексте соглашения фигурирует только один сын Дмитрия⁵². Но если ни к первому, и к третьему периодам, когда московский князь

⁴⁶ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV–XV вв. // Проблемы источниковедения. М., 1958. Вып. VI. С. 283.

⁴⁷ Там же. Это повторение доводов А. Е. Преснякова, но А. А. Зимин не сослался на его труд.

⁴⁸ Там же. С. 284. Примеч. 61.

⁴⁹ Там же. С. 283.

⁵⁰ Там же. С. 284.

⁵¹ Юрий родился 26 ноября 1374 г. См.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 108.

⁵² Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот. С. 284.

Дмитрий был без великого княжения, его второе соглашение с двоюродным братом отнесено быть не может, остается единственная возможность — датировать договор вторым периодом, т. е. 1371 г. Правда, при такой датировке остается некоторая шероховатость, ведь в договоре назван сын Дмитрия Ивановича, хотя и без имени. Это или его первенец Даниил, или следующий по возрасту Василий. Первое отождествление А. А. Зимин отверг на том основании, что «Даниил умер в малолетнем возрасте и, очевидно, уже задолго до рождения Василия». Более правдоподобно второе отождествление, но Василий родился уже после составления договорной грамоты, однако, по словам А. А. Зимина, «его рождение предполагалось»⁵³. «Итак, — заключал А. А. Зимин, — второй договор Дмитрия Донского с серпуховским князем составлен между 10 апреля 1371 г. и 15 июня 1371 г. (когда московский князь отправился в Орду)»⁵⁴.

Горячие споры Л. В. Черепнина с А. Е. Пресняковым, склонявшимся к признанию 1371 г. как даты составления второй докончальной грамоты между московскими князьями Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, А. А. Зимина с Л. В. Черепниным, отвергавшего предложенную последним ученым дату договора — 1374–1375 г. и настаивавшего на правильности даты 1371 г., заставляют еще раз проверить все аргументы исследователей и указать на те бесспорные признаки, которые определяют время составления документа.

Если верить помете на обороте сохранившейся копии второго договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем, относящей его составление ко времени митрополита Алексея, то договор надо датировать временем до 12 февраля 1378 г., когда скончался митрополит Алексей⁵⁵. С другой стороны, в тексте второго договора между московскими династиями упоминается сын великого князя Дмитрия (строки 2 и 37). Первенцем Дмитрия, женившегося 18 января 1366 г.⁵⁶, был Даниил⁵⁷. Если под упомянутым в договоре сыном великого князя Дмитрия разумеется Даниил, как предлагал А. Е. Пресняков⁵⁸, то он самое раннее мог родиться в конце 1366 или начале 1367 г. Тогда договор, что справедливо отметил тот же исследователь, не мог быть составлен ранее конца 1366 — начала 1367 г.⁵⁹ Но похоже, что Даниил умер вскоре после своего появления на свет. Нет не только записи о его рождении, но и записи о его смерти, хотя сведения о смертях малолетних детей великого князя Симеона Ивановича, Ивана Ивановича, их брата Андрея есть в летописях⁶⁰. Следующий сын Дмитрия, Василий, родился 30 декабря 1371 г.⁶¹ Таким образом, определяются примерные хронологические рамки соглашения: между концом 1366 г. и 12 февраля 1378 г. или между 30 декабря 1371 г. и 12 февраля 1378 г.

Однако в договорной грамоте имеются указания, которые позволяют датировать документ более точно. Так, в строке 15 сохранились слова «...пожалуетъ нас б(ог)ъ, найдемъ тоб(ѣ), княз(ю) великому, великое». Последнее слово уже давно, со времен А. В. Экземплярского, дополняется словом «княжение». Когда же двоюродные братья Дмитрий и Владимир надеялись «найти» великое княжение и когда, соответственно тому, был заключен договор? В указанных выше рамках исследователи останавливались или на 1371 г., или на 1375 г.

Если руководствоваться мыслью Л. В. Черепнина относительно составления рассматриваемого договора тогда, когда «в Москве был уже решен вопрос о походе на Тверь», то надо признать, что

⁵³ Там же.

⁵⁴ Там же. С. 284–285. 10 апреля 1371 г. с ярлыком на великое княжение вернулся на Русь из Орды тверской князь Михаил Александрович.

⁵⁵ ПСРЛ. Пг., 1922. Т. XV. Вып. I. Стб. 120.

⁵⁶ Там же. Стб. 83, под 6874 годом ультрамартовским.

⁵⁷ *Экземплярский А. В.* Великие и удельные князья Северной Руси. Т. I. С. 121. В достаточно раннем летописном рассказе «Слово о житии и о преставлении великого князя Дмитрия Ивановича, царя Русьского» Даниил упоминается как старейший сын Дмитрия. См.: ПСРЛ. Л., 1925. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. С. 360; ПСРЛ. М., 2000. Т. VI. Вып. 1. Стб. 503.

⁵⁸ *Пресняков А. Е.* Образование Великорусского государства. С. 173. Примеч. 1 (текст на с. 174).

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 62, 76; ПСРЛ. Пг., 1915. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 287; Т. VI. Вып. 1. Стб. 433.

⁶¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 99.

договор был составлен летом 1375 г. В самом деле, летопись сообщает, что 13 июля 1375 г. в Тверь вернулся из Орды посланный туда Михаилом Александровичем Тверским Некомат сурожанин. Он вернулся с ханским ярлыком тверскому князю на великое княжение владимирское. Вместе с Некоматом из Орды прибыл посол Ажихожа, очевидно, для того, чтобы помочь Михаилу Александровичу занять владимирский стол. В тот же день Михаил отправил гонца в Москву с уведомлением о начале войны («цѣлование крестное сложилъ») и послал своих наместников в Торжок и Углич⁶² — земли, контролировавшиеся великим князем Дмитрием Ивановичем. Расстояние от Твери до Москвы преодолевалось за три-четыре дня⁶³. Следовательно, об объявлении войны в Москве узнали 16 или 17 июля. 29 июля Дмитрий Московский уже воевал тверские волости⁶⁴. Таким образом, если сказанное Л. В. Черепниным верно, второй договор между Дмитрием Ивановичем и его двоюродным братом Владимиром Андреевичем следовало бы датировать весьма определенно — между 16 и 29 июля 1375 г., что плохо увязывается с указанной Л. В. Черепниным вспышкой хозяйственной активности серпуховского князя в 1374 г.

И совсем не увязываются с рассуждениями Л. В. Черепнина о детях в семьях Дмитрия и Владимира реальные данные о их сыновьях. Сыновья эти перечисляются в завещаниях Дмитрия Ивановича⁶⁵ и Владимира Андреевича⁶⁶. Дмитрий оставил после себя Василия, Юрия, Андрея, Петра, Ивана и Константина. О времени рождения Василия (30 декабря 1371 г.) и Юрия (26 ноября 1374 г.) было сказано выше. Андрей родился 14 августа 1382 г.⁶⁷, Петр — 29 июня 1385 г.⁶⁸, Константин — 16 мая 1389 г., за четыре дня до смерти отца⁶⁹. О времени рождения Ивана сведений нет, но он был младше Юрия, поскольку на похоронах митрополита Алексея в феврале 1378 г. из детей Дмитрия Ивановича присутствовали только шестилетний Василий и трехлетний Юрий⁷⁰.

У Владимира Андреевича сыновей было немногим меньше: Иван, Семен, Ярослав-Афанасий, Андрей и Василий⁷¹. Иван, как отметил А. А. Зимин, родился в 1381 г., весной⁷². Ярослав появился на свет 18 января 1389 г.⁷³ Василий родился 9 июля 1394 г.⁷⁴ Когда родились Семен и Андрей Владимировичи, точно неизвестно⁷⁵. В договорной грамоте великого князя Василия Дмитриевича с Владимиром Андреевичем, которую Л. В. Черепнин датировал примерно 1401—1402 г., хотя грамота, возможно, на несколько лет старше, указано, что «**г**аз, **к**н~~а~~зь Володимеръ Андрѣвич, съ своими дѣтми, со кн~~а~~зем съ Иваном, и с Семеном, и съ Ярославом, и за свои дѣти за меншии, за Ондрѣва и за Васил(ь)га, целовали есмы кр(е)сть...»⁷⁶. Из грамоты следует, что к моменту ее заключения Семен был уже дееспособен, он мог сам целовать крест, а Андрей был еще маленьким. В одной из договорных княжеских грамот конца 40-х г. XV в. указывалось, что великий князь Василий Васильевич должен к своему контрагенту целовать крест сам и «за свои дѣти», а далее пояснялось: «**А** исполн~~а~~тс~~а~~, г(о)с(поди)не, твоим дѣтем по двѣнатцати лѣт, ино, г(о)с(поди)не, тогда целоват(и) им самим по

⁶² ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 114.

⁶³ В 1390 г. митрополит Киприан в Петров день (29 июня) выехал из Москвы, а вечером 2 июля был в 5 верстах от Твери. См.: ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 159.

⁶⁴ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 301—302; Т. VI. Вып. 1. Стб. 446.

⁶⁵ ДДГ. № 12. С. 33—37.

⁶⁶ Там же. № 17. С. 45—50.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 143.

⁶⁸ Там же. Стб. 150.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 2. С. 360; Т. VI. Вып. 1. Стб. 503.

⁷⁰ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 124.

⁷¹ ДДГ. № 17. С. 45—50.

⁷² ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 142.

⁷³ Там же. Стб. 154.

⁷⁴ Там же. Стб. 164.

⁷⁵ Экземплярский А. В. Великие и удельные князья Северной Руси. Т. II. С. 306—307, 308—309.

⁷⁶ ДДГ. № 16. С. 45.

нашим докончальным грамотам и по сей по нашей грамотѣ»⁷⁷. Поэтому можно думать, что Семену в начале XV в. было не менее 12 лет. Принимая во внимание время рождения Ярослава Владимировича, можно утверждать, что Семен родился не позднее 1387 г. Что касается Андрея, то исходя из дат рождения его более старшего брата Ярослава и младшего брата Василия, надо полагать, что он родился между началом 1390 г. и серединой 1393 г., судя по его недееспособности, зафиксированной в указанной выше грамоте, ближе к последней дате.

Таким образом, к 1375 г., самой поздней дате составления второго договора между Дмитрием Ивановичем и Владимиром Андреевичем, названной Л. В. Черепниным, в семье Дмитрия было два сына, а в семье Владимира — ни одного. Делается понятным, как об этом и писал А. А. Зимин, что упоминание «твоих» и «моих» детей в рассматриваемом договоре имеет в виду не реально существовавших княжичей, а возможных детей двух договаривавшихся князей. И вопреки Л. В. Черепнину такое упоминание не может рассматриваться как датирующий признак в том его понимании, какое придал ему исследователь, видевший в «детях» источника реальных сыновей договаривавшихся князей.

В то же время нельзя согласиться и с А. А. Зиминим, решительно утверждавшим, что «упоминание “детей” во втором договоре Дмитрия Донского с серпуховским князем ничего не может дать для уточнения датировки этого документа». Сама постановка вопроса о детях, под которыми в договорной грамоте разумелись будущие сыновья-наследники, была возможной лишь в том случае, когда заключавшие союз князья уже имели семьи. Показательно в этом отношении, что в первом договоре между Дмитрием и Владимиром, заключенном в то время, когда оба князя были еще холосты, никаких речей об их сыновьях не ведется. Женидьба Владимира Андреевича на дочери литовского великого князя Ольгерда, принявшей православие с именем Елена, состоялась в январе—феврале 1372 г.⁷⁸ Следовательно, ранее начала 1372 г. рассматриваемый договор не мог быть составлен. Объяснение А. А. Зимина, отнесшего договор ко времени между 10 апреля и 15 июня 1371 г. и увидевшего в «сыне» Дмитрия этого договора лишь ожидаемого сына, выглядит натянутым. Василий, как уже говорилось, родился 30 декабря 1371 г. 10 апреля 1371 г. мать Василия Евдокия еще не могла ожидать ребенка, а 15 июня составители договора не могли предвидеть, что у Евдокии через шесть с половиной месяцев родится сын, а не дочь. К тому же при принятии точки зрения А. А. Зимина получается, что в рассматриваемом договоре будущее потомство князя Владимира Андреевича обозначается как его дети, а будущее потомство Дмитрия Ивановича — как его сын и дети. Разница необъяснимая.

С отнесением договора ко времени не ранее начала 1372 г. хорошо согласуются упоминания в тексте этого договора сына великого князя Дмитрия Ивановича: «...тоб(е), брата своез(о) старѣшез(о) князѣ великоз(о), соб(ѣ) отцемъ, а с(ы)на [т]воез(о)» (строка 2) и «А ци б(ог)ъ розмыслить о с(ы)ну о твоєм, о братѣ» (строка 37). Текст строки 2, его начало, восстанавливается на основании аналогичной по содержанию статьи 2 договора 1364—1365 г.: «Имѣти ми», а окончание — на основании статьи 2 договора 25 марта 1389 г.: «братомъ старѣшимъ». Чтение «братомъ» подтверждается еще и аналогичным чтением в строке 37, где сын Дмитрия отождествляется с «братом», согласно договоренности 1389 г. «старѣшимъ», князя Владимира. В соответствующем падеже слово «старейший» должно было читаться в строке 37 после слова «братѣ». Очевидно, что сын Дмитрия в момент составления рассматриваемого договора был жив. Слова «а ци б(ог)ъ розмыслить о с(ы)ну о твоєм» не могут относиться к еще не родившемуся ребенку. Вполне очевидно, что речь в договоре идет о живом княжиче Василии Дмитриевиче, родившемся незадолго до свадьбы Владимира Андреевича.

А. А. Зимин был, по-видимому, прав, полагая, что в договоре не упоминался третий сын Дмитрия Юрий, появившийся на свет 26 октября 1374 г.⁷⁹ Правда, приведенные тексты строк 2 и 37, в которых

⁷⁷ Там же. № 51. С. 150.

⁷⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 99. Известие о женитьбе Владимира на Елене помещено в летописи после сообщения о рождении у великого князя Дмитрия сына Василия 30 декабря и завершает статью мартовского 6879 года, следовательно, описывает событие, приходящееся на два последних месяца указанного года, т. е. на январь и февраль 1372 г.

⁷⁹ Зимин А. А. О хронологии духовных и договорных грамот великих и удельных князей XIV—XV вв. С. 284.

фигурирует сын великого князя, обрываются на его упоминании, а потому приходится гадать, не фигурировал ли в утраченном тексте и другой, следующий по возрасту, сын Дмитрия Ивановича. Однако текст строки 38 «...ис твоих болшии, того ми держати братом старѣшим и служи...», который может быть дополнен и прояснен словами «[а который из сынов]»⁸⁰ в начале фразы и реконструкцией «[ти ми ему]» или «[ти ему]» в ее конце, не выделяет одного младшего брата Василия, он говорит обо всех его младших братьях, и становится очевидным, что речь идет о братьях возможных. Но если договор не упоминал Юрия, это означает, что соглашение было оформлено между январем 1372 г. и 26 октября 1374 г.

Не противоречит ли такое заключение свидетельству строки 15, где предусматривается вероятность «нахождения» великого княжения великому князю Дмитрию Ивановичу? Чтобы понять смысл этого свидетельства, который А. А. Зимин трактовал однозначно как указание на отсутствие великого княжения у Дмитрия, следует привести все упоминания великого княжения, целые или деформированные, в тексте анализируемого договора. Уже в строке 3 после установления, имеющего общий характер («жити ны по сеи грамотѣ»), читается «вотчины м(и), г(о)с(поди)не, твоее и великоз(о) кня». Очевидно, в этих словах также отразилась одна из общих норм, фиксировавшихся, как правило, в начальных статьях соглашений. Так, статья 4 договора 1364–1365 г. обязывала серпуховского князя «держати ти подо мною княженъе моѣ великок ч(е)сно [и] грозно»⁸¹. Сходным было предписание и статьи 4 договора 1389 г.: «Тебѣ, брату моему младшему и моему с(ы)ну, князю [В]о[лдимеру Андрѣвич(у)], держати ти подо мною и подѣ моимъ с(ы)н(о)мъ, подѣ княземъ подѣ Васильемъ, [и под моими детьм]и княженъе мое великое честно и [гроз]но»⁸². По всей видимости, в строке 3 рассматриваемого договора речь тоже шла о блюдении «честно и грозно» Владимиром Андреевичем вотчины и великого княжения Дмитрия Ивановича. А если так, то великий князь Дмитрий явно распоряжался великим княжеством.

В строке 11 сохранились слова «...е княженъе, а отъ мен(е) мои оудѣль, чѣмъ ма еси, г(о)с(поди)не, по». Первая буква «е» есть, очевидно, окончание слова «[велико]е», поскольку последующее слово «княженъе» без такого определения в договоре не встречается. Конечные буквы «по» должны быть дополнены буквами «[жаловал]» («по[жаловал]»). Как отмечалось выше, именно так предлагал восстанавливать текст А. Е. Пресняков. оборот «а отъ мен(е) мои оудѣль» указывает на отторжение, скорее всего, удела Владимира Андреевича. Очевидно, в данной статье договора речь шла о возможной потере Владимиром своего удела, а его составляли Дмитров и Галич, но не о потере им своей вотчины, и о возможной потере великим князем великого княжения, как и понимал данный текст А. Е. Пресняков. Но если потеря была лишь возможна, это означает, что к моменту оформления соглашения Дмитрий Иванович великим княжением обладал.

На первый взгляд, некоторый диссонанс в такое понимание свидетельств договора вносит текст строки 25: «...ти, г(о)с(поди)не, будетъ взяти дань на своей вотч(и)нѣ и на вел[ико]м [к]н[аженьи]». Говорится о будущем сборе дани с великого княжения, и это может истолковываться как указание на то, что в момент составления договора великое княжение московскому князю не принадлежало. Однако в будущем дань должна была взиматься не только с великого княжения, но и с вотчины Дмитрия Ивановича, а последняя, как наследственное владение, от него не отторгалась. Ясно, что в договоре имеется в виду предполагаемое собирание лишь дани на разных территориях, а не разный владельческий статус этих территорий. Констатация того, что великий князь может собирать дань как с великого княжения, так и со своей вотчины, не оставляет сомнений в том, что великое княжение находилось в руках Дмитрия.

⁸⁰ Здесь и далее при реконструкции текста восстановленные буквы и слова заключаются в кавычки и помещаются в квадратные скобки. При этом используются буквы только современного алфавита и дается преимущественно современное написание слов.

⁸¹ ДДГ. № 5. С. 20.

⁸² Там же. № 11. С. 31.

Несомненно великое княжение упоминается и в строке 26: «...л княжени, или ихъ села, взати, г(о)с(поди)не, на них дань, как и на св...». Первой сохранившейся выносной букве «л» явно предшествовали буквы «[ве]», что давало чтение «[ве]л(иком)». Последние две сохранившиеся в строке 26 буквы должны быть дополнены буквами «[оих]» («св[оих]»). Оборот «как и на своих» достаточно часто встречается в договорных грамотах московских князей. В частности, в третьем договоре Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем, заключенном 25 марта 1389 г., в статье 37 указывалось: «и дан(ь) взати, как и на своихъ». В строке 26 речь идет о взимании дани великим князем. С кого же собиралась эта дань? Слова «на них дань» указывают на людей, скорее всего, бояр, Владимира Андреевича, которые жили в великом княжении, возможно, имели там кормления и вне всякого сомнения — села. Но если в великом княжении жили служившие серпуховскому князю люди, с которых собиралась дань великим князем, то это значит, что само великое княжение принадлежало Дмитрию Ивановичу.

Наконец, строка 31 («...е и мнѣ, брату твоему молодшему, въ вотч(и)ну въ твою и въ») должна быть закончена словами «[великое княжение]», поскольку ранее читается «въ вотч(и)ну въ твою», т. е. великого князя. В предшествующих 29 и 30 строках договора речь идет о запрещении великому князю посылать своих данщиков «въ вотч(и)ну... и в вудѣл» серпуховского князя, выдавать там жалованные грамоты, держать закладников и покупать села. Строка 31 содержала статьи, в которых аналогичные обязательства по отношению к владениям великого князя брал на себя удельный князь. Такое парное сочетание договорных статей, в которых фиксировались обязательства одной договаривающейся стороны, а после этого сразу же или вскоре говорилось об идентичных обязательствах другой стороны, типично для докончаний Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем⁸³. Поэтому начало текста строки 31 можно восстановить как «[тако ж]е». Таким образом, сохранившийся и реконструированный текст строки 31 свидетельствует о том, что договор запрещал удельному серпуховскому князю в каких-либо формах посягать на вотчину и великое княжение Дмитрия Ивановича. Следовательно, великое княжение находилось под властью последнего.

Обобщая свидетельства второго договора Дмитрия Ивановича и Владимира Андреевича относительно великого княжения, можно заключить, что им распоряжался великий князь Дмитрий, но, видимо, не всем. Поскольку в первой половине 70-х годов XIV в. у него был единственный соперник в борьбе за великое княжение — Михаил Александрович Тверской, надо полагать, что именно последний сохранял за собой часть территории этого княжения. Сказанное подтверждается прямыми свидетельствами других источников.

Рассмотренные выше действия в 1375 г. тверского князя Михаила Александровича указывают на то, что к лету 1375 г. он не обладал никакими ярлыками на великое княжение и не контролировал каких-либо частей великого княжения. За ярлыками ему пришлось посылать в Орду, а установить свой контроль над некоторыми городами великого княжения ему удалось только после получения ярлыков и применения военной силы. Отсюда следует, что полномочным обладателем великого княжения до начала июля 1375 г. (а не только в 1374 г., как писал А. А. Зимин) был великий князь Дмитрий Иванович. Стать таким полномочным обладателем Дмитрий смог после заключения мирного договора с Тверью. Соглашение между московским и тверским князьями было подписано 16 января 1374 г. Дмитрий отпустил к отцу содержавшегося с ноября 1372 г. в Москве на положении пленника старшего сына Михаила Ивана⁸⁴, а Михаил «со княжения съ великаго намѣстники свои свель»⁸⁵. Очевидно, до 16 января 1374 г. тверской князь удерживал за собой некоторые земли великого княжения. Очевидно также, что статья второго

⁸³ См. статьи 11 и 26 первого договора между Дмитрием и Владимиром (ДДГ. № 5. С. 20, 21) и статьи 24, 32, 34 третьего договора между теми же князьями (ДДГ. № 11. С. 31, 32).

⁸⁴ Об этом подробнее см.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 159–160.

⁸⁵ ПСРЛ Т. XV. Вып. I. Стб. 105. Примеч. 2. В примечании приведен текст более поздней вставки — «с Торж[ку]». В летописи договор датирован временем «тое же зимы» 6881 мартовского года. Точная дата — Положение вериг апостола Петра — названа в московско-новгородско-тверском договоре 1375 г. См.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 192, 342.

договора Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем, содержащая условие «...пожалуеть нас б(ог)ъ, найдемъ тоб(ѣ), княз(ю) великому, великое [княжение]», после 16 января 1374 г. теряла смысл. Поэтому договор мог быть заключен только между январем 1372 г. и 16 января 1374 г.

Эти два года были насыщены бурными событиями. 4 апреля 1372 г. тверская рать во главе с Михаилом Александровичем взяла контролировавшийся Москвой Дмитров. Окрестности города и села были ограблены, в плен попали не только простые люди, но и бояре⁸⁶. Одновременно союзные Твери литовские войска во главе с братом литовского великого князя Ольгерда Кейстутом и старшим сыном Ольгерда полоцким князем Андреем предприняли стремительный поход на великокняжеский Переяславль. 7 апреля они появились под городом. Хотя горожане отсиделись в крепости, но городские посады и села были взяты и сожжены. Литовцы захватили много пленных, скота и имущества⁸⁷. На обратном пути объединившиеся литовская и тверская рати подошли к Кашину, второму по значению городу Тверского княжества, и заставили смириться конфликтовавшего с Михаилом Тверским кашинского князя Михаила Васильевича⁸⁸. Затем нападению подверглись новоторжские земли Новгорода Великого. В Торжке тверской князь посадил своих наместников⁸⁹.

Получив это известие, новгородцы собрали войско и пошли на Торжок. Тверские наместники были изгнаны, а тверские купцы ограблены. Тогда к Торжку подступил Михаил Александрович Тверской. 31 мая 1372 г. под стенами Торжка произошло кровопролитное сражение, в котором новгородцы и их новоторжские сторонники потерпели полное поражение. Торжок оказался в руках тверского князя⁹⁰.

Примерно в то же время, воспользовавшись затруднениями, которые испытывали московские князья в противостоянии с Тверью и Литвой, рязанский князь Олег Иванович изгнал из Рязани (Переяславля Рязанского) московского ставленника князя Владимира Ярославича (Дмитриевича) Пронского и вернул себе власть в Рязанском княжестве⁹¹. К угрозам Москве с запада и юго-запада прибавлялась угроза и с юго-востока. Если последнюю удалось отвести, не поддержав Владимира Пронского и поневоле вступив в дружественные отношения с Олегом Рязанским, то для ликвидации угроз со стороны Литвы и Твери московским князьям пришлось напрячь все силы, тем более, что примерно в июне-начале июля 1372 г. им стало известно о подготовке большого похода объединенных сил Литвы, Твери, Смоленска и Брянска на Москву⁹². Поход начался во второй декаде июля. Противники встретились у г. Любутска⁹³. Но военных действий не последовало, и в конце июля 1372 г. стороны заключили перемирие, которое переросло в мир⁹⁴. Хотя между Москвой и Тверью напряженные отношения сохранялись, перемиренная грамота между Литвой и ее союзниками, с одной стороны, и Москвой и поддерживавшими ее князьями, с другой, требовала от тверского князя удаления своих наместников с территории великого княжения («А гдѣ буд(е)тъ княз(ѣ) Михаило восла в нашу очину в великое княженъе намѣсник(и) или волостели, и тыхъ ны сослати доловъ» — статья б) и оговаривала право московских князей по сути дела силой воздействовать на тверского князя, если тот будет нападать на территорию великого княжения («а иметь княз(ѣ) Михаило что пакостити в нашей очинѣ в великомъ

⁸⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 99.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. XVIII. СПб., 1913. С. 112. Здесь указано, что литовцы пришли «по велицѣ дни на другои недѣли въ вторникъ на заутрие по Радуницѣ». «По Радуницѣ» значит «после Радуницы». Но Радуница сама приходилась на вторник второй (Фоминой) недели по пасхе. В Новгородской IV и Софийской I летописях вместо вторника указана среда, что представляется правильным (см.: ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 297; Т. VI. Вып. 1. Стб. 441). Среда после Радуницы в 1372 г. приходилась на 7 марта (см.: Черепнин Л. В. Русская хронология. М., 1944. Табл. XVI).

⁸⁸ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 100.

⁸⁹ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 297; Т. VI. Вып. 1. Стб. 442.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. IV. Ч. I. Вып. 1. С. 298–299; Т. VI. Вып. 1. Стб. 442–444.

⁹¹ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 100. Известие помещено между сообщениями о нападении тверичей и литовцев на Дмитров и Переяславль и о взятии Михаилом Тверским Торжка.

⁹² Соответствующие хронологические расчеты см.: Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 96, 152.

⁹³ Любутск стоял на правом берегу р. Оки при впадении в нее р. Любутки (современный Ферзиковский район Калужской области). Древнее городище сохранилось и исследуется. См.: Болдин И. В. Археологическое исследование городища летописного Любутска // Дмитрий Донской и эпоха возрождения Руси. Тула, 2001. С. 24–26.

⁹⁴ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 152, 168.

кнѧженѣи или грабити, намъ сѧ с нимъ вѣдати самимъ» — статья 7)⁹⁵, военные столкновения прекратились, стороны, видимо, выжидали более благоприятных моментов для активных действий. Но когда ожидание стало длительным, без малого полтора года, Москва и Тверь в январе 1374 г. заключили мир, который с облегчением был воспринят населением: «бышет[ь] тишина и отъ оузь разрѣшение хр[и]стианомъ и радостию възрадовалися»⁹⁶, и который сделал Дмитрия Московского полновластным обладателем великого княжения.

Таким образом, рассмотрение событий января 1372 — 16 января 1374 г. показывает, что в означенное время Дмитрий действительно не владел всей территорией великого княжения. Этим объясняется внесение во второй договор между ним и Владимиром статьи, предусматривавшей возвращение великому князю великого княжения не вообще, не номинально, а реально определенной части, т. е. в итоге целиком и полностью. Исходя из анализа тех же событий надо признать, что наиболее вероятным временем заключения изучаемого договора был июнь 1372 г., когда московские князья испытали ряд чувствительных ударов со стороны Твери и Литвы, когда был потерян такой важный союзник как Новгород Великий, потерпевший жестокое поражение от тверского князя и всеми средствами добивавшийся от него мира⁹⁷, когда москвичам пришлось пойти на вынужденные компромиссы с Рязанью и когда Москве грозило третье по счету масштабное вторжение объединенных сил Литвы, Твери, Смоленска и Брянска.

(Продолжение в следующем номере журнала)

⁹⁵ Там же. С. 158, 338. Показательно, что в московско-литовской перемирной грамоте 1372 г., весьма близкой по времени ко второму договору Дмитрия Ивановича с Владимиром Андреевичем, тоже ставится вопрос об обладании Дмитрием Московским всем великим княжением.

⁹⁶ ПСРЛ. Т. XV. Вып. I. Стб. 105.

⁹⁷ Кучкин В. А. Договорные грамоты московских князей XIV века. С. 95–98.